

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

З. АБДУЛАГАТОВ

**Российские православные и мусульмане:
общие проблемы – разные взгляды***

Опыт показывает, что зигзаги процесса межнационального взаимодействия во многом обусловлены величиной разделяющей его участников этнической дистанции – агрегированным выражением конкретных различий в ценностях, ориентирах и представлениях. Причем социально дистанцирующий характер различных элементов культуры ситуационен: одно и то же явление может восприниматься в зависимости от условий как разграничивающее или объединяющее [Дробижева, 1998, с. 365]. История постсоветской России это полностью подтверждает: процессы последних десятилетий усилили этнодистанцирующее значение факторов, ранее подобной роли не игравших, в частности религии, о разграничивающей функции которой все больше говорят политики, эксперты и духовные лица. Основная цель данной статьи – на примере взаимоотношений ислама и православия рассмотреть, как происходящие в нашей стране процессы религиозного возрождения влияют на стабильность российского общества.

Сформировавшаяся в последнее десятилетие модель взаимодействия этих двух традиционных для страны религий имеет сложную структуру. Нормативные основы ее задает, естественно, законодательство РФ, на которое, по идее, должны ориентироваться базовые документы православной и мусульманской конфессий, регламентирующие контакты с другими деноминациями. Далее следует непосредственная практика межконфессионального сотрудничества. И, наконец, на быденном уровне существует видение всего этого рядовыми адептами обоих вероучений. Забегая вперед, отмечу, что в идеале выделенные подсистемы должны быть, как минимум, изоморфны, но в действительности они полны внутренних противоречий, различным образом перетекающих с одного уровня на другой.

Строго говоря, непростой контекст взаимоотношений двух российских конфессий возникает уже на **нормативном** уровне. Как известно, Конституция 1993 г. провозглашает Российскую Федерацию светской страной, в которой "никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной", где "религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом", а пропаганда религиозного превосходства запрещена (ст. 14; 29). Эти и другие конституционные установки редуцированы в Федеральном законе 1997 г. "О свободе совести и о рели-

* Работа выполнена при поддержке Фонда Дж. и К. Макартуров.

гиозных объединениях", по аналогии с которым в субъектах РФ были приняты соответствующие нормы. Однако даже в правовой сфере, призванной упорядочить межконфессиональный диалог и взаимодействие религиозных общин с государством не удалось избежать точек роста потенциальной конфликтности. Прежде всего, потому что трактовка конституционных положений государственными органами, не говоря уже о правоприменительной практике, часто противоречит духу и букве российского законодательства.

Так, в августе 1996 г. А. Куликов – в то время министр внутренних дел, подписал с предстоятелем Русской православной церкви (РПЦ) Патриархом Алексием II соглашение о сотрудничестве МВД и РПЦ, одной из целей которого была "необходимость в защите граждан от духовной агрессии". Поскольку данное понятие в Конституции РФ отсутствует, то в Уголовном кодексе РФ нет определения данного противоправного деяния. Отсюда следует, что, во-первых, милиции и иным силовым структурам вменялось защищать общество от законной по сути деятельности отдельных объединений людей на религиозной основе. Во-вторых, следуя логике документа, "агрессорами" оказывались неправославные вероучения, ибо в нем особо оговаривалась историческая роль православия как духовной основы России. Именно такой подход лег в основу новой редакции закона "О свободе совести...", фактически закрепившей ранжирование конфессий (п. 7, ст. 8). После чего, опираясь на силовые, то есть государственные структуры, РПЦ в ряде субъектов Федерации стала оборонять свою каноническую территорию от иноверцев [Бурьянов, 2000].

Эти линии в дальнейшем поддержал глава Совета безопасности РФ В. Рушайло, подтвердивший во время встречи с наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры епископом Феогностом (март 2003 г.) необходимость "совместных усилий государства и религиозных объединений в деле сохранения национального достоинства России и нейтрализации угроз безопасности российскому обществу в духовной сфере" [Офитова, 2003]. Проводимые в столь узком формате (госчиновник категории "А" и православный иерарх) переговоры по вопросу, в решении которого заинтересовано российское общество в целом, вызывают сомнения. Обсуждение темы без привлечения представителей иных вероучений неверно как с точки зрения взаимоотношений "церковь-государство" (по сути, последнее в такой ситуации отказывается от светского характера), так и контактов РПЦ с другими конфессиями, в частности с российским исламом, чьи представители неоднократно выражали недоумение в связи с особым положением православия в системе церковно-государственных связей [Этноконфессиональные... 1999]. Подобные обстоятельства указывают на несоответствие целей, определяемых Конституцией РФ, и реальной практики взаимодействия властных структур с религиозными объединениями.

Типологически сходная, амбивалентная ситуация сложилась в сфере **межконфессионального сотрудничества**, тональность которого определяется уже не только властями, но и религиозными и околоцерковными элитами. С одной стороны, в российском православии и исламе на официальном уровне присутствует тенденция к поддержанию стабильных, если не сказать дружественных отношений, необходимость которых обусловлена не только стремлением сохранять мир и спокойствие в стране или содействовать духовному оздоровлению общества, но и едиными религиозными корнями христианства и мусульманства, которые относятся к так называемым Авраамическим религиям [Ювеналий, 2002; Гайнутдин, 1999, с. 132–143].

С другой же стороны, даже в сугубо официальных декларациях религиозных лидеров двух наиболее крупных конфессий России наличествуют конфронтационные начала. Так, в одном из телевыступлений Патриарх Алексий II заявил: "Идеология России есть православие". Впоследствии, правда, имела место попытка смягчить резкость этого утверждения, однако в той или иной степени оно присутствует в основополагающих документах РПЦ. Достаточно, например, обратиться к "Основам социальной концепции Русской православной церкви" (приняты юбилейным Архиерейским собором в августе 2000 г.), из которых явствует, что РПЦ, претендуя, как

минимум, на статус "корпорации публичного права", планирует обрести ряд властных функций. Хотя РПЦ и не является государственной церковью в прямом смысле слова, ее священноначалие объясняет такую позицию в том же документе тем, что "всякому государству приходится считаться с реальным религиозным составом своего населения". Аналогичный подход четко обозначен и в многочисленных выступлениях одного из видных иерархов, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла: "В России примерно 4–5% мусульман, 18,5% людей неверующих... 1,2% католиков и протестантов. Поэтому мы не многоконфессиональная, а православная страна, в которой есть религиозные меньшинства". Развивая далее эти доводы, митрополит подчеркнул: «Вы представьте себе, если бы у нас было 73% мусульман. Как бы правительство "вытягивалось" перед этими 73%» [Кирилл, 2002, с. 28–29]. Мусульманская элита сочла неприемлемой такую постановку вопроса, сославшись в защиту своей позиции на ст. 29 Конституции, запрещающую пропаганду социального, национального и религиозного превосходства. Было также отмечено, что численность мусульман РФ намеренно занижается: по самым усредненным данным их около 20 млн, то есть свыше 15% [Клерикализм... 2002].

В 2001 г., примерно через год после обнародования "Основ" во многом под их непосредственным и косвенным воздействием были приняты "Основные положения социальной программы российских мусульман". В них особо подчеркивалось, что в условиях соблюдения прав и свобод человека мусульманин может выражать свое несогласие с правительством исключительно в рамках действующего законодательства, всячески избегая акций, способных нарушить общественное согласие и мир. Впрочем, как и в документе РПЦ, здесь указывалось на возможность мусульман в исключительных случаях (например, ликвидации конституционного порядка или прекращения действия институтов законной государственной власти) рассматривать вопрос о невыполнении своих обязательств перед государством [Основные... 2001, с. 31].

Подобных акцентов в "Основных положениях" – немало, и это неслучайно: они косвенно отражают сложности, с которыми постоянно сталкиваются мусульмане, поскольку в формировании основных правил государственно-церковных отношений доминирует РПЦ. Одна из таких сложностей – то, что государственная символика РФ (герб, гимн, государственные награды) не отражает многоконфессиональности ее населения. В этой связи мусульмане выражают озабоченность тем, что неправославные "граждане России не смогут получить заслуженную награду, как и какой-либо обязательный государственный документ, только по причине наличия в них неприемлемой для их веры религиозной символики... И это станет фактором разрушения единства нации" [Основные... 2001, с. 39].

Куда более серьезная область трений между православной и мусульманской конфессиями – прозелитизм, в котором обвиняют приверженцев ислама¹. Появление в последние годы в РФ "нескольких тысяч мусульман – русских по происхождению"² [Полосин, Порохова, 2003] – предмет внутриконфессионального беспокойства РПЦ и околоцерковных общественных групп. Одна из них – Союз православных граждан, выступила с заявлением, что в России ведется "разнузданная пропаганда мусульманского прозелитизма среди русских и других православных народов России... Всякий русский, предающий православную веру... будет подвергнут самому жестокому по-

¹ Безотносительно каких-либо обвинений, современный ислам прозелитически более активен, чем христианские церкви. Мы не располагаем соответствующей статистикой по России, но если исходить из данных по европейским странам, то соотношение новообращенных мусульман и христиан составляет примерно 20:1 (Известия. 2003. 9 октября). – *Прим. ред.*

² Действительно, значительная часть принявших ислам россиян – этнически русские. Наиболее известные среди них: Али (Вячеслав) Полосин – председатель общины новообращенных мусульман "Прямой путь" и Иман (Валерия) Порохова – сопредседатель этой общины, главный редактор газеты "Все об исламе".

литическому бойкоту со стороны православного большинства России" (Все об исламе. 2002. № 2).

Поскольку неоднократные заверения мусульман-неофитов о добровольности своего выбора их оппонентов, как правило, не убеждают, "Основные положения" прокомментировали данную ситуацию следующим образом: «Исламу чужд прозелитизм, то есть использование мер давления на человека с целью его перехода из другой религии в свою общину. Проповедь осуществляется исключительно добровольно, мирно, на основе "наилучших доводов ума"» [Основные... 2001, с. 27]. Впрочем, в действительности дело обстоит не столь просто. Во-первых, история ислама на территории нынешней России свидетельствует, что обращение в него происходило различными методами, причем не только проповедью или посредством экономических льгот, но и насильственно (см. [Шихсаидов, 1996, с. 195–207]). Правда, трудно представить, что в современных условиях человека можно принудить принять иную веру. Во-вторых, является ли прозелитизмом активная пропаганда "наилучших доводов ума", после которой верующий переходит в иную конфессию или атеист обретает веру, – вопрос сам по себе дискуссионный.

Что же касается взаимоотношения православных и мусульманских конфессиональных элит за рамками официальных деклараций, то его характеризуют куда большие проблемы: как раз здесь и бытуют наиболее противоречивые, непоследовательные, интолерантные в отношении другого вероисповедания позиции. В основе их лежат фундаменталистские установки, оживление которых наблюдается как в российском исламе, так и в РПЦ. Парадокс состоит в том, что духовные лидеры, настойчиво требующие от государства соблюдения норм демократии, часто не намерены придерживаться таковых в процессе реализации интересов своей конфессии.

Так, по мнению ряда экспертов, в православной социально-политической мысли сегодня явно присутствуют тенденция неприятия демократии и связанное с ней противодействие свободе совести, непримиримость к другим конфессиям и экуменизму, политический мессианизм и теологическое обоснование воинствующего национализма. Внешние проявления подобных доктринальных установок – обострение межконфессиональной розни в ряде регионов России. Например, в Ростовской, Волгоградской, Воронежской, Вологодской областях и в Карелии происходили конфликты по поводу строительства мусульманских культовых сооружений, ибо их "не хотело видеть большинство населения" [Игнатов, 1997, с. 15–30; Кырлежев, 2002].

Усугублению межконфессиональной дистанции способствуют и аналогичные тенденции в исламе. Они отразились, например, в заявлении главы Центрального духовного управления мусульман России Т. Таджутдина по событиям в Ираке, когда он от имени единоверцев 3 апреля 2003 г. объявил джихад (священную войну) США [Сергеевский, 2003]. Из подобных радикальных призывов вырастают соответствующие практические действия: разрушение часовни в Набережных Челнах; демонстративное требование построить мечеть в центре русского православия – Сергиевом Посаде; инициатива лидеров мусульманской общины Вологодской области создать на одном из исламских Интернет-сайтов банк данных лиц, "активно противодействующих деятельности исламских организаций" [К ситуации... 2002; Соловьев, Фарутин, Войтовский, 2003].

Общая структура взаимодействия российского православия и ислама зависит, однако, не только от задаваемой стереотипными подходами религиозных и светских элит проблемной институциональной среды, но и от **позиции рядовых верующих**. По каким-то вопросам она, конечно, соответствует позиции конфессиональных лидеров, но может и отличаться от нее. Именно это показали исследования, проведенные в республиках Дагестан, Татарстан и в Москве³.

³ Опрос проводился преимущественно в 2002 г. Социологическая выборка – 1000 респондентов (из них по Дагестану – 460).

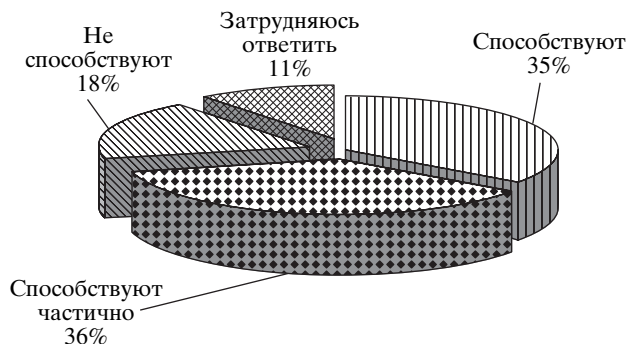

Рис. 1. Как Вы считаете, способствуют ли стабильности российского общества процессы религиозного возрождения?

Прежде всего, бросается в глаза, что рядовые представители обоих вероучений в целом солидарны со своими духовными пастырями в общей оценке феномена религиозного ренессанса как полностью или хотя бы отчасти социально позитивного явления, содействующего стабилизации общества (см. рис. 1).

Эта точка зрения более типична для православных (50,2%), чем для мусульман (36,1%). По регионам данные показатели варьируются так: выборка по Москве почти идентична общей; в Казани велика доля мусульман, поддерживающих религиозное возрождение – 44,6%; а в Дагестане подобную позицию разделяют всего 29,2% православных и 33,5% мусульман. Это различие в восприятии ситуации в определенной мере объяснимо: дагестанцы в результате активизации в их республике религиозных экстремистов, прежде всего ваххабитов, имели достаточно поводов усомниться в благотворности религиозного фактора как такового.

Впрочем, отношение к упомянутому направлению ислама – особый разговор. Естественно, во всех регионах негативная оценка ваххабизма, высказанная православными, была значительно выше, чем у мусульман, особенно в Казани, где отрицательное отношение к нему выразили 80% приверженцев христианской и только 41,8% мусульманской конфессий. Интереснее другое: абсолютное большинство респондентов – 72% (православных – 74%, мусульман – 71%) поддержали принятие Госсоветом Дагестана закона о запрете ваххабизма. Примерно такое же единство опрошенных выразили касательно необходимости введения подобных ограничений на всей территории РФ (70,4%). Иначе говоря, независимо от места проведения опроса и конфессиональной принадлежности его участников, очевидно общее неприятие гражданами России радикальных толков ислама. И дистанцированности в этом между мусульманами и православными практически нет⁴.

Как отмечалось выше, одно из ключевых положений программных документов обеих религий – возможность мирного неповиновения верующих властям в ситуации, когда государственные порядки приходят в откровенное противоречие с конфессиональными установками об образе жизни. Результаты опроса (см. рис. 2) показали, что абсолютное большинство респондентов – почти 2/3 считают подобные ве-

⁴ Для сравнения, обратной точки зрения – о неэкстремистском характере учения ваххабитов – придерживается в целом всего 19,3% опрошенных (24,4% мусульман и 9,1% православных). В региональном же разрезе последние две цифры выглядят так: Дагестан – 19,9% и 10%; Казань – 30,9% и 10,7%; Москва – 35,1% и 9,8%. Другими словами, позитивное отношение к ваххабизму увеличивается по мере отдаления от региона его наибольшей активизации. Во время опроса в мечетях столицы мне даже пришлось выслушать много нелицеприятных суждений по поводу несправедливости ограничений в отношении проповеди ваххабитов в моей республике – Дагестане.

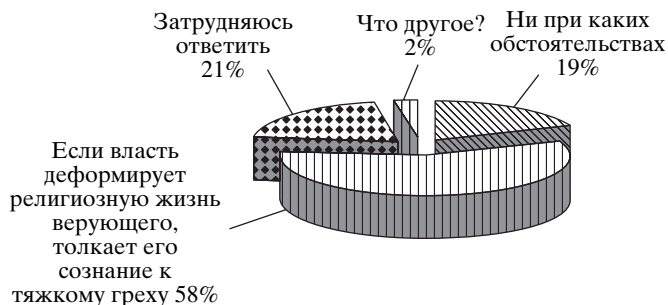

Рис. 2. В каких случаях, по Вашему мнению, церковь (духовное управление) может отказать государству в повиновении?

щи допустимыми и возможными (против 19%). Впрочем, куда важнее, что в указанной сфере наблюдается определенное единство взглядов православных и мусульман. Дистанцированность⁵ (D) позиций по данному вопросу у представителей этих конфессий оказалась более слабой, чем по каким-либо другим (см. табл. 1).

К приведенным данным остается добавить, что позиция о возможности неповиновения государству в связи с ущемлением религиозных свобод нашла в России большую поддержку у мусульман (наивысший показатель в Москве), нежели у православных (наименьший показатель в Дагестане). Эти результаты закономерны: в сознании тех, кто исповедует ислам, фундаментализм выражен сильнее.

Для современного российского социума актуальна проблема политической деятельности религиозных организаций и объединений. Преобладающее большинство опрошенных 65,5% высказались против нее; в поддержку – 24,0%. Общественное мнение, правда, несколько более снисходительно к участию в политике представителей духовенства как частных лиц: его считают полностью и частично приемлемым 44% респондентов. Впрочем, примерно такое же их количество – 43,7% убеждены, что даже индивидуальная вовлеченность духовных лиц в политическую жизнь недопустима.

Тем не менее, поскольку в исламе, в отличие от христианства, отсутствует четкое разделение жизни на мирскую и духовную, мусульмане куда одобрительнее, чем православные, относятся к идее политизации религиозных организаций (см. табл. 2).

Эти данные коррелируются с расчетами дистанцированности адептов обеих конфессий по данной проблеме (см. табл. 3).

Таким образом, при всех региональных нюансах отношение к реальной и потенциальной политизации конфессий, безусловно, имеет дистанцирующий характер, и дополнительное подтверждение тому – отношение к закону о политических партиях 2001 г., запрещающему их создание на религиозной основе. Респондентам было предложено оценить данное ограничение с точки зрения его влияния на стабильность в обществе. Большинство опрошенных считают, что подобный запрет этому

⁵ Для количественного выражения данной характеристики целесообразно использование среднеарифметической взвешенной, которая позволяет трактовать различия в средних показателях как величину дистанцированности (D) конфессиональных групп, чье максимальное значение равно единице ($D_{max} = 1$). Поскольку сама дистанцированность вычисляется как модуль разности (то есть она всегда неотрицательна), то ее показатель внутри генеральной выборки не равен сумме дистанцированностей групп, входящих в нее. Это означает, что у православных и мусульман, например, Казани, или Москвы, или Дагестана дистанцированность по какому-либо из исследуемых вопросов может быть достаточно большой, а в целом по России близкой к нулю. Одновременно я отдаю себе отчет в том, что дистанцирующий характер имеет не всякое различие точек зрения, но лишь то, которое обуславливает разнообразие вариантов социального поведения респондентов относительно общих для них проблем.

Таблица 1

Дистанцированность православных и мусульман по вопросу о возможности неповиновения церкви (духовного управления) государству

Регионы	Москва	Казань	Дагестан	Россия
Показатель <i>D</i>	0,15	0,01	0,11	0,03

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о допустимости политической деятельности для церкви (духовного управления), %

Конфессии	Москва			Казань			Дагестан		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Православные	25,6	67,7	6,0	16,0	73,3	10,7	4,3	78,3	13,0
Мусульмане	37,1	51,5	11,3	20,0	60,0	21,8	25,0	62,3	11,7
В целом	30,4	60,9	8,3	17,7	67,7	15,4	23,6	63,4	11,8

Таблица 3

Дистанцированность православных и мусульман по поводу допустимости политической деятельности церкви (духовного управления)

Регионы	Москва	Казань	Дагестан	Россия
Показатель <i>D</i>	0,14	0,07	0,23	0,09

Таблица 4

Дистанцированность православных и мусульман в оценке запрета создания политических партий на религиозной основе

Регионы	Москва	Казань	Дагестан	Россия
Показатель <i>D</i>	0,31	0,08	0,10	0,13

способствует – 53,4%, тогда как 24%, напротив, уверены, что закон, ущемляя политические интересы верующих, ведет к социальной дестабилизации. Неприятие данной нормы ярче выражено у мусульман – 27,6% (у православных – 16,9%), что соответствует их более позитивному отношению к политической деятельности церковных организаций в целом (см. табл. 2). Региональный срез дистанцированности по рассматриваемой проблеме представлен в таблице 4.

Относительно высокий показатель *D* в Москве свидетельствует о том, что политизация религий и социального пространства около них усугубляет проблемы межконфессионального взаимодействия в столице⁶. Требуется комментарий и наименьший коэффициент дистанцированности в Казани. Он обусловлен тем, что татарский ислам проявляет себя на политической арене намного мягче, чем, скажем, дагестанский – у казанских мусульман неприятие запрещающих пунктов закона о политичес-

⁶ Московская патриархия не дала мне разрешения задавать вопрос об отношении к закону о политических партиях в православных храмах. Вполне возможно, что ответы на него усилили бы контраст полученной картины.

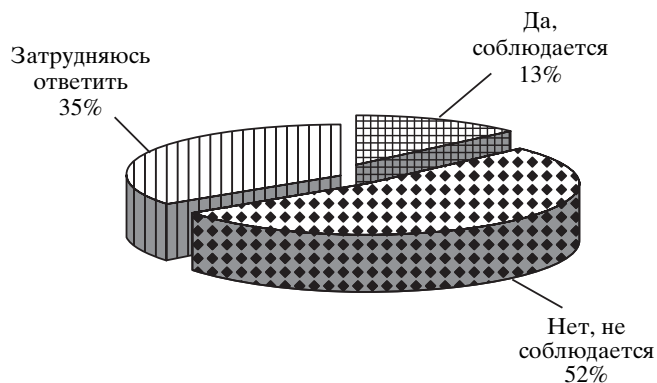

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос о соблюдении РПЦ запрета представителям духовенства заниматься политикой.

ких партиях выражено слабее, чем по России в целом. Тем не менее в целом отношение к проблеме "церковь и политика" разделяет представителей обеих ведущих российских конфессий.

Об особой политической ангажированности российского ислама в последнее время говорилось много, в том числе и рядом православных иерархов. Сама же РПЦ всячески подчеркивает, что "Церковь не участвует в политической борьбе" [Кирилл, 2002, с. 26], указывая на принятое еще в 1993 г. постановление о неучастии духовенства в выборах в качестве кандидатов, дополненное запретом для священнослужителей вести предвыборную агитацию в пользу какой-либо партии. Вместе с тем РПЦ не стоит в стороне от политических процессов: наложив запрет на соответствующие инициативы рядовых клириков, православное священноначалие проявляет высочайшую активность в области политики. Оно пытается влиять на государство, поддерживая те или иные его политические решения или законодательные акты, стремится взять на себя выполнение некоторых государственных функций, особенно в области идеологии. О том, как оценивается массовым сознанием данная ситуация, дает представление рисунок 3.

В Москве эти показатели почти идентичны ответам в общей выборке; в Дагестане количество уверенных в несоблюдении РПЦ запрета несколько выше – 57,3%; в Казани же доля тех, кто считает, что православные иерархи не связывают себя ограничениями на политическую деятельность, напротив, ниже – 40,1%, тогда как доля придерживающихся противоположной позиции выше – 19,2%. Различия во мнениях по данному вопросу, связанные с конфессиональной принадлежностью, лишь ненамного отличаются от общей картины (ср. рис. 3 и табл. 5). Таким образом, полученные данные показывают, что практически половина верующих России (как мусульман, так и православных) не признают православную церковь политически нейтральной силой.

В связи с этим участникам опроса было предложено дать оценку такой акции РПЦ, как благословение начала военных действий российских войск на Северном Кавказе. В общей выборке поддержка этого составила всего 20,3%, тогда как 62,1% верующих неодобрительно отнеслись к данному действию, поскольку оно "отрицательно влияет на межэтнические и межконфессиональные отношения" (17,6% затруднились с оценкой). Впрочем, столь единодушное на первый взгляд осуждение позиции РПЦ достаточно сильно отличается у представителей обоих вероисповеданий в различных регионах (см. табл. 6).

Из таблицы 6 видно, что разделение респондентов в связи с поддержкой РПЦ военной операции в Кавказском регионе не укладывается полностью в примитивную оппозицию "христиане – мусульмане", но идет как бы вглубь "своей" конфессии. Так, если в Казани и Дагестане православные верующие в целом солидаризировались с политической инициативой РПЦ, то у православных москвичей она, напро-

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос о соблюдении РПЦ запрета представителям духовенства заниматься политикой в зависимости от конфессиональной принадлежности респондентов (%)

Конфессии	Да, соблюдается	Нет, не соблюдается	Затрудняюсь ответить
Православные	21,2	43,7	35,1
Мусульмане	9,6	56,0	33,1
В целом	13,4	51,9	33,8

Таблица 6

Распределение отрицательных оценок позиции РПЦ относительно войны на Северном Кавказе по регионам и конфессиональной принадлежности респондентов (%)

Конфессии	Москва	Казань	Дагестан	Россия
Православные	59,0	23,7	19,0	43,2
Мусульмане	82,8	82,2	67,2	72,2
В целом	68,6	47,4	63,6	62,1

Таблица 7

Дистанцированность православных и мусульман в оценке позиции РПЦ относительно военных действий на Северном Кавказе

Регионы	Москва	Казань	Дагестан	Россия
Показатель <i>D</i>	0,18	0,48	0,40	0,25

тив, не нашла поддержки. И эта позиция закономерна, поскольку согласуется с отрицательным отношением столичных респондентов к участию церкви в политике (см. табл. 2). Аналогично, мусульмане Дагестана менее негативно, чем их единоверцы в других частях России, восприняли солидаризацию православной церкви с федеральными властями, начавшими боевые действия. Их особая точка зрения по данному вопросу вполне понятна: республика стала в свое время первой жертвой атаки сепаратистов из Чечни, так что на ответы дагестанцев повлияло стремление к установлению хоть какой-то стабильности в их республике и регионе⁷.

Дистанцированность представителей обеих конфессий в связи с мнением православной церкви касательно последней кавказской войны отображена в таблице 7.

К приведенным цифрам следует, вероятно, добавить, что высокий коэффициент дистанцированности православных и мусульман в Казани объясняется не только крайне отрицательным отношением мусульман к официальной точке зрения РПЦ, но и весьма сильной ее поддержкой у тамошних православных.

Очень интересными, наконец, оказались результаты опроса относительно такой актуальной проблемы межконфессионального взаимодействия, как обретение РПЦ особого статуса в церковно-государственных отношениях. Собранные данные прежде всего продемонстрировали, что в целом по стране преобладающее большинство верующих (68,5%) с таким положением вещей не согласны (противоположную точ-

⁷ Примечательно, что православные жители Дагестана, столь решительно поддерживавшие позицию иерархов РПЦ, одновременно фактически солидаризировались со своими соседями-мусульманами. Из двух предложенных вариантов объяснения своего одобрения указанной инициативы (так как это в конечном счете способствует стабилизации обстановки на Северном Кавказе; так как РПЦ защищает законные интересы русского населения на Кавказе) православные респонденты отдали явное предпочтение первому.

Таблица 8

**Отношение православных верующих к возможности обретения РПЦ особого статуса
в церковно-государственных отношениях (%)**

Место опроса	Отрицательное, так как это ущемляет интересы остальных конфессий	Положительное, так как РПЦ представляет преобладающее большинство верующих России	Затрудняюсь ответить
Москва	52,6	25,6	20,3
Казань	50,7	25,3	22,6
Дагестан	30,4	60,9	8,7
В целом	49,8	29,0	18,9

Таблица 9

**Дистанцированность православных и мусульман в оценке возможности обретения РПЦ
особого статуса в церковно-государственных отношениях**

Регионы	Москва	Казань	Дагестан	Россия
Показатель <i>D</i>	0,25	0,29	0,63	0,31

ку зрения разделили всего 25,6%). Вместе с тем можно констатировать, что инициатива иерархов РПЦ в рассматриваемой сфере находит определенную поддержку среди рядовых православных (см. табл. 8).

Нетрудно заметить, что за исключением Дагестана – российского региона, находящегося в зоне нестабильности (о характере воздействия этого фактора на ответы тамошних респондентов я говорил выше), значительное количество православных не одобряют претензии РПЦ на исключительное место среди других конфессий России. Тем не менее совершенно естественно, что не только на дагестанской территории по данной позиции наблюдается наибольшая дистанцированность приверженцев обоих вероучений (см. табл. 9).

* * *

Итак, проведенное исследование восприятия христианами и мусульманами трех российских субъектов Федерации ряда актуальных вопросов межконфессионального взаимодействия позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. Влияние процесса религиозного возрождения, идущего и среди приверженцев христианства и ислама, на стабильное развитие нашей страны неоднозначно. Отношение к отдельным проблемам может как объединять, так и дистанцировать людей даже в пределах одного вероучения. И православные, и мусульмане, естественно, придерживаясь общих для своих религий ценностей, по отдельным вопросам не выказывают полного единомыслия, и уровень внутриконфессионального разделения в ряде случаев достаточно заметен.

2. При всей схожести позиций конфессиональных элит и рядовых верующих в большинстве вопросов, волнующих религиозную общественность, их взгляды отнюдь не тождественны: в ряде случаев имеется несоответствие между массовыми представлениями и официальной позицией деноминации. Поэтому апелляция религиозных лидеров к мнению своей паствы при предъявлении каких-либо требований к государству не полностью и не всегда соответствует реальному положению вещей.

3. Перечисленные факторы в каком-то смысле усложняют организацию межконфессионального сотрудничества, конфигурация которого, явно выходящая за рамки простого диалога "христиане–мусульмане", образует куда более многостороннюю конструкцию.

4. Существующие возможности межконфессионального взаимодействия используются религиозными элитами недостаточно эффективно. На первый план выдвигаются не общие для всех верующих россиян проблемы, а отдельные вопросы, питаемые конфессиональным эгоизмом. Диалог двух основных вероучений подменяется их самоутверждением, имеющим два аспекта: а) стремление максимально приблизиться к государству; б) установить как можно большее влияние на массовое сознание своих адептов.

5. Коль скоро реальная практика взаимоотношений российского православия и ислама намного сложнее и противоречивее, чем это принято считать, при налаживании их сотрудничества следует исходить из непреложного факта: "стороны... опираются на различные, во многом несовместимые, вероучительные основания... и им в конфессиональном плане важно полнее, точнее и глубже узнать друг друга" [Ювеналий, 2002]. Из этого вытекает необходимость выявления тех актуальных проблем современного мира, затрагивающих всякого человека безотносительно его веры, которые можно и нужно решать совместно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурьянов С. К.* "правильному" мировоззрению через сакрализацию власти? // Иностранец. 2000. 12 сентября.
- Гайнутдин Р.* Ислам: вера, милосердие, терпимость. М., 1999.
- Дробизева Л.М.* Социальная и культурная дистанция. М., 1998.
- Игнатов А.* Богословские аргументы в политической борьбе // Вопросы философии. 1997. № 5.
- Кирилл, митрополит.* Русская православная церковь в современной России: служение обществу, трудности возрождения // Вопросы экономики. 2002. № 1.
- Клерикализм против межконфессионального мира // Все об исламе. 2002. № 7.
- К ситуации в Татарстане // Все об исламе. 2002. № 6.
- Кырлежев А.Н.* В новый год со старыми проблемами // Независимая газета. 2002. 18 декабря.
- Основы социальной концепции Русской православной церкви // <http://www.Russian.orthodox.church.org.ru>.
- Основные положения социальной программы российских мусульман. М., 2001.
- Офитова С.* Министерство духовной безопасности // Независимая газета. 2003. 25 марта.
- Полосин А.-В., Порохова И.-В.* Заявление о проекте "Русский ислам" // Все об исламе. 2003. № 6–7.
- Сергиевский С.* Джихад в тылу союзников США // Независимая газета. 2003. 7 апреля.
- Соловьев Е., Фарутин А., Войтовский Д.* "Исламофобов" пригвоздили к Интернету // Независимая газета. 2003. 26 февраля.
- Шихсаидов А.Р.* Дагестан и арабский халифат. VII–X вв. // История Дагестана. Махачкала, 1996.
- Этноконфессиональные факторы единства России. "Круглый стол" // НГ-Религии. 1999. 27 октября.
- Ювеналий, митрополит.* Выбор сердец человеческих совершится в нашу пользу // Все об исламе. № 6. 2002.